
РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

УДК 811.161. 1'373, ББК 81.411.2-3, ГРНТИ 16.41.21, КОД ВАК 10.02.19

А. П. Майоров

Улан-Удэ, Россия

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И КОНСИТУАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В КОНФЛИКТОГЕННОМ КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ

В процессе экспертного исследования определенных спорных текстов наряду с понятием контекстуального значения актуализируется такое явление, которое представляется уместным назвать «конситуативное значение». В данной статье обосновывается методологическая необходимость введения его в научный оборот. Конситуативное значение – это смысл словесных оборотов (именных выражений, глагольных словосочетаний, высказываний), выходящий за рамки прототипического сигнификата слов и реализующийся в акте референции с опорой на невербальные знаки в определенной коммуникативной ситуации.

В отношении коммуникативной ситуации конфликтогенный креолизованный текст, функционирующий в социальных сетях, выступает в двух ипостасях. Во-первых, он является компонентом коммуникативной ситуации интернет-общения, передавая определенную информацию; во-вторых, он используется как фактор создания некой воображаемой коммуникативной ситуации, выступающей в роли средства суггестивного воздействия на участника интернет-коммуникации. В статье рассматриваются канонические и неканонические ситуации общения, которые в конфликтогенных текстах воссоздаются искусственно с целью формирования конситуативного значения вербальных средств, употребление которых направлено на возбуждение межнациональной розни. С точки зрения целей, поставленных авторами текста, выделяются особенности моделируемых коммуникативных ситуаций. Для канонической ситуации общения идентифицируются два адресата – адресат 1 в вымышленной коммуникативной ситуации и адресат 2 – в реальной интернет-коммуникации. В неканонической ситуации общения выделяются два адресанта –

адресант 1 как условный персонаж моделируемой коммуникативной ситуации, адресант 2 – автор креолизованного текста.

В моделируемых коммуникативных ситуациях широко применяются разного рода невербальные компоненты – графические символы, фото- и видеоизображения, звуковые образы. Они играют главную роль в порождении конситуативных значений.

Разрабатываемые теоретические положения имеют определенную прикладную значимость, которая очевидным образом обнаруживается при анализе креолизованных текстов, отобранных из практики составления судебно-лингвистических экспертиз автором настоящего исследования.

Ключевые слова: конситуативное значение, конфликтогенный креолизованный текст, коммуникативная ситуация, референция, лингвистическая экспертиза.

Сведения об авторе: Александр Петрович Майоров, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета. 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: map1955@mail.ru

A. P. Mayorov

Ulan-Ude, Russia

COMMUNICATIVE SITUATION AND CONSITUATIVE MEANING IN CREOLIZED CONFLICT-INSTIGATING TEXT

In the process of expertise of certain controversial texts, along with the concept of contextual meaning, there appears a phenomenon which seems appropriate to be called "consituative meaning". This article gives grounds to the methodological necessity of this term introduction into academic circulation. Consituative meaning is the meaning of word expressions (nominal expressions, verbal phrases, utterances) that goes beyond the prototypical signification of words and is implemented in the act of reference based on non-verbal signs in a certain communicative situation.

With regard to the communicative situation, the creolized conflict-instigating text, functioning in social networks, appears in two forms. Firstly, it is a component of the communicative situation of the Internet communication, transmitting certain information; secondly, it is used as a factor to create a kind of artificial communicative situation, acting as a means of suggestive impact on the participant of the Internet communication. The article discusses the canonical and non-canonical situations of communication, which are re-created artificially in conflict-instigating texts to form consituative meaning of verbal means, which is aimed at inducing ethnic hatred. The features of the simulated communicative situations are highlighted from the point of view of the goals set by the initiators. For the canonical situation of communication, two

addressees are identified-the addressee 1 in a fictional communicative situation and the addressee 2 in real Internet communication. In a non-canonical situation of communication, two addressees are distinguished-the addresser 1 as a hypothetical character of the simulated communicative situation, the addresser 2 is the author of the creolized text.

In simulated communicative situations all sorts of non-verbal components are widely used - graphic symbols, photo and video images, sound images. They play a major role in generating consituative meaning.

The devised theoretical principles have certain applied significance, which is clearly seen in the analysis of creolized texts selected from the documented practice of forensic examinations carried out by the author of this study.

Key words: consituative meaning, creolized conflict-instigating text, situation of communication, reference, forensic examination.

About the author: Aleksandr Petrovich Mayorov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolina street, 24a. E-mail: map1955@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-807

Среди спорных текстов, представляемых на судебную психолингвистическую экспертизу по делам о возбуждении межнациональной розни, большое место занимают тексты с невербальными компонентами (в другой терминологии – креолизованные тексты). Основной средой бытования подобных текстов являются социальные сети, в которых передача любой информации немислима без использования невербальных средств. В конфликтогенных креолизованных текстах, размещенных в социальных сетях, активнее всего применяются визуальные образы, которые в сочетании со связанными с ними спорными высказываниями порождают особый тип значения.

В работе [Кожевникова, Осадчий 2012] описаны наиболее примечательные черты конфликтогенного креолизованного текста. Сложное взаимодействие участников конфликтной коммуникации в этом случае «оказывает большое влияние на структуру и особенности построения креолизованного текста как объекта судебной лингвистической экспертизы»

Здесь нельзя не упомянуть такого участника коммуникации, как государство, которое выступает в роли защитника объекта экстремистской направленности текста. Его фигура предопределяет «высокую степень имплицитности смысла конфликтогенного текста» [Кожевникова, Осадчий 2012: 25].

Как уже указано выше, для экстремистских текстов типично использование невербальных средств – особенно визуальных графических символов как средств особой маркировки информации, карикатурного изображения предмета речи, и функции последних освещаются в [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 137–141]. Некоторые невербальные приемы управления пониманием в других видах спорных текстов (визуальная персонификация, визуальная верификация) рассматриваются в [Баранов 2007: 390–411].

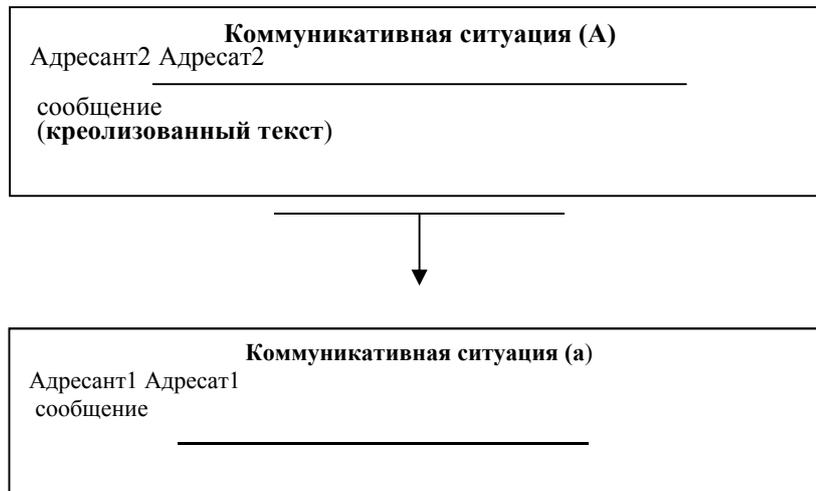
Разработаны классификации креолизованных текстов по принципу характера отношений между вербальным и невербальным компонентами, составляющими структуру текста [Колтышева 2008; Каленых 2013]. Однако такого рода классификации не охватывают всего многообразия конфликтогенных креолизованных текстов.

Термин «конситуативное значение» в современной лингвистике не встречается, при этом понятие «конситуация» в научном обиходе известно с незапамятных времен. Конситуация (или экстралингвистический контекст) – это «ситуация коммуникации, включающая условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношения друг к другу» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 238]. Конситуация включает в себя как собственно речевой контекст (непосредственное и дальнее окружение слова, словесного оборота), так и общий опыт участников речи: знание деталей того события, о котором говорится [Краткий справочник 1995: 292]. Исходя из этого, при толковании конситуативного значения необходимо учитывать все указанные признаки конситуации и в первую очередь – саму коммуникативную ситуацию,

которая представляет собой важный фактор актуализации смысловой направленности анализируемых спорных текстов. В свою очередь смысловая направленность текста зависит от специфического типа значения составляющих их высказываний, суть которых и предопределяется экстралингвистическими факторами, связанными с ситуацией порождения текста. Данный тип значения спорных высказываний и слов, которое невозможно истолковать без учета невербальной составляющей, а значит невозможно понять содержание всего текста, условно можно назвать конситуативным значением. Иными словами, конситуативное значение – это смысл словесных оборотов (именных выражений, глагольных словосочетаний, высказываний), выходящий за рамки прототипического сигнификата слов и реализующийся в акте референции с опорой на невербальные знаки, которые используются в определенной коммуникативной ситуации.

Связанная с экстремистской деятельностью виртуальная коммуникация в социальных сетях принимает разнообразные формы, и конфликтогенный текст вступает в сложные отношения с коммуникативной ситуацией, в рамках которой он порожден. В первую очередь, в соответствии с привычным представлением об акте коммуникации, креолизованный текст является компонентом коммуникативной ситуации (А), служа средством передачи информации от адресанта – автора креолизованного текста адресату – участнику виртуальной коммуникации. В то же время конфликтогенный креолизованный текст, используемый в социальных сетях, может выступать как фактор создания некой искусственной коммуникативной ситуации (а), порождение которой отвечает специальной коммуникативной задаче суггестивного воздействия на адресата. При этом тот или иной коммуникант может быть как реальным участником речевого общения, так и вымышленным персонажем. Связь коммуникативной ситуации с креолизованным текстом можно представить в виде следующей

схемы (условная нумерация коммуникантов разъясняется ниже, по ходу исследования):

Поскольку конситуативное значение формируется в недрах коммуникативной ситуации (а), рассмотрим в первую очередь ее.

Чтобы достичь поставленных целей, в экстремистском дискурсе широко используется конструирование особого вида коммуникативной ситуации (а) – канонической ситуации общения с присущими ей диалогичностью, дейктичностью, ситаутивностью, неподготовленностью речи и пр. В подобной моделируемой в рамках конфликтогенного креолизованного текста коммуникативной ситуации присутствуют обязательные составляющие речевого акта – адресант, синхронный адресат и коммуникативная ситуация (в рамках которой осуществляется референция, применяются определенные кодовые системы, характер сообщения). Однако реализуются они, имея свою специфику, предопределенную основным коммуникативным намерением автором креолизованного текста. Рассмотрим коммуникативную ситуацию (а) на примере следующего конфликтогенного креолизованного текста, условно обозначив его как текст (1). В приведенном примере фотоколлаж, размещенный в социальных сетях, использовался для моделирования вымышленной коммуникативной ситуации непосредственного общения – коммуникативной ситуации (а) в нашей схеме. В ней выявляются так называемые эгоцентрические элементы – личное местоимение 2-го л. *вам*, этикетное слово *спасибо*, которое всегда соотносится с говорящим субъектом, обращение

дорогие ветераны. По данным языковым элементам идентифицируется адресант 1 (он же адресант 2).

Текст 1

Другой коммуникант опознается сложнее: с одной стороны, креолизованный текст функционирует как условие моделирования канонической ситуации общения; с другой стороны, он служит определенным кодом в реальной ситуации интернет-общения. Иными словами, в коммуникативных ситуациях (а) и (А) для данного креолизованного текста выявляются два адресата. В первую очередь устанавливается синхронный адресат (адресат 1) – основной для вымышленной канонической ситуации общения компонент; в его роли выступают военнослужащие, одетые в нацистскую форму времен Второй мировой войны. Помимо этого сам креолизованный текст в коммуникативной ситуации (А) необходим для обращения автора¹ фотоколлажа к тем, кто сочувствует его неонацистским взглядам (адресат 2).

¹ Под автором в настоящем исследовании подразумевается тот, кто изготавливает и/или распространяет спорные тексты.

К адресату 1 автор фотоколлажа обращается со словами благодарности (в частности, слово *спасибо*, выражающее чувство признательности немецким солдатам и офицерам и положительную оценку их действий). Одобрение деятельности немецких солдат и офицеров как представителей нацистской идеологии звучит также в обращении *дорогие ветераны*. Положительная оценка этих лиц отображается в семантике прилагательного *дорогой* в значении ‘такой, которым дорожат; важный, ценный для кого-л., чего-л.’ [Словарь русского языка, т. 1 1981: 433]. Кроме этого, лексема *ветеран* обозначает старого, опытного воина, участника многих боев, и это значение наделено положительной коннотацией ‘заслуженный’ [Словарь русского языка, т. 1 1981: 158], ‘вызывающий уважение’. Характерно, что для большинства носителей современного русского языка в содержании слова *ветеран* также актуален имплицитный семантический признак ‘участник Великой Отечественной войны’.

В исследуемом акте референции у слова *ветеран* реализуется конситуативное значение, для дефиниции которого, чтобы в то же время установить смысловую направленность креолизованного текста, следует прибегнуть к приему модальной рамки:

‘Я говорю, обращаясь к тем, кто изображен в фотоколлаже, что испытываю чувство благодарности к немецко-фашистским военнослужащим, считая их заслуженными участниками боевых действий’.

Необходимо подчеркнуть, что акт референции в данном случае предопределяет реализацию не референциального значения слова *ветеран*, отражающего типичные семантические признаки (прототипический сигнификат) и коннотации у того класса объектов, к которому принадлежит денотат «ветеран», а конситуативного значения, которое в результате соотнесения вербального компонента с невербальным актуализирует смысл слова с полярными по отношению к языковому значению коннотациями.

Анализируемый креолизованный текст является ключевым в данной интернет-коммуникации – коммуникативной ситуации (А), имея определенное

коммуникативное задание для адресата 2. Обычно у экстремистского дискурса выделяются разнообразные типы макроцелей [Методические рекомендации 2014: 5–6], среди которых анализируемому тексту присущи макроцель самопрезентации – способа речевого воздействия, реализующегося в публичном выражении своего сочувствия взглядам нацистов, и ценностно-ориентированная макроцель – речевое воздействие с целью изменения ценностных ориентаций адресата 2 (формирование представления о нацистских преступниках как положительных героях).

Данная конфликтогенная смысловая направленность текста (1) вызвала соответствующую реакцию государства, стоящего на страже законов и защиты прав граждан. Так, по поводу размещения в социальной сети «ВКонтакте» информационных материалов в форме высказываний, предположительно содержащих признаки отрицания фактов, которые были установлены приговором Международного военного трибунала, провозглашенным в Нюрнберге 1 октября 1946 года, правоохрнительными органами были осуществлены оперативно-розыскные мероприятия. В результате от них пришел запрос о проведении комплексного психолингвистического исследования. Среди вопросов, поставленных перед экспертами, был вопрос об отрицании фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, а также об одобрении преступлений, установленных указанным приговором.

Установление конситуативного значения отдельных словесных оборотов и смысловой направленности креолизованного текста в целом дали возможность ответить на вопрос положительно. Так, фотоколлаж с немецко-фашистскими захватчиками и с нанесенной на фотоизображения надписью «Спасибо вам, дорогие ветераны!» следует рассматривать как креолизованный текст, выражающий одобрение преступных действий нацистов во время Второй мировой войны. Цель воздействия на адресата 2 в данном случае – это формирование у посетителя персональной страницы автора положительного отношения к немецко-фашистским захватчикам.

Разновидность описанной выше коммуникативной ситуации предстает в примере другого креолизованного текста – текст (2)

Текст 2

Текст (2) также участвует в создании воображаемой непосредственной ситуации общения – коммуникативной ситуации (а), в которой, благодаря глагольной форме повелительного наклонения в словосочетании *убери руки*, идентифицируется адресант 1 (он же адресант 2). Здесь также эксплицитно выражен адресат 1 (синхронный адресат), которого адресант называет *мангадьярой*¹ и к которому, собственно, он и обращается. Также креолизованный текст в реальной интернет-коммуникации, за пределами вымышленной канонической ситуации общения, предназначен для воздействия на адресата 2.

К адресату 1 автор фотоколлажа обращается с требованием «убрать руки». В современном русском языке выражение *Убери руки* представляет

¹ Слово *мангадьяра* – это лексическая единица, регионализм, образованный в русской речи на территории Бурятии с помощью русского суффикса *-яр(а)* от заимствованного из бурятского языка слова *мангад* ‘прост. зап. русский’ [Шагдаров. Черемисов, I 2006: 535]. Суффикс *-яр/-ар(а)* придает презрительно-увеличительный (термин В. В. Виноградова) оттенок значению слова, поскольку в русской разговорной речи, особенно в просторечии, именно это субъективно-эмоциональное отношение с помощью данного суффикса стремится передать говорящий (ср., например, в словах *водяра, волчара, бомжара, лошара, сучара, козляра, котяра* и др.). Таким образом, слово *мангадьяра* используется для выражения презрительно-увеличительного, пренебрежительного отношения к представителям русской нации и, соответственно, – унижительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок в отношении лиц по признаку их принадлежности к русскому этническому сообществу.

собой устойчивый речевой оборот, передающий требование устранить какой-то телесный контакт или прекратить какие-то насильственные действия с участием рук. Это выражение употребляется и в другом, переносном значении, и оно связано с коммуникативным намерением говорящего субъекта не допустить продолжения начинающегося конфликта или выразить нежелание какого-либо дальнейшего общения с другим участником речевого взаимодействия. Для адресата в канонической ситуации общения выражение *Убери руки* должно служить знаком неприязненного и даже враждебного отношения к нему адресанта.

В акте референции текста (2) высказывание *Убери руки, мангадяра!* соотносится с визуальными образами молодых людей в национальных одеждах, символизирующих русский и бурятский этносы; с учетом данной референции конситуативное значение высказывания с помощью модальной рамки толкуется следующим образом:

‘Я хочу, чтобы ты, принадлежа руской нации, прекратил какое-либо общение с лицами женского пола бурятской национальности’¹.

Особенность текста (2) состоит в том, что адресат 2 включает круг лиц, получающий особую значимость в рамках актуализируемой автором этнокультурной оппозиции «Свой-Чужие». Под адресатом 2 как основным объектом суггестивного воздействия имеются в виду те представители бурятской этнической общности, которые разделяют националистические взгляды автора или сочувствуют им.

Тексту (2) присуща экстремистская направленность, и поэтому здесь преследуются несколько иные коммуникативные цели. Из них особенно актуальны в данном случае установление эмоционального контакта с адресатом 2, изменение ценностных ориентаций личности, побуждение адресата 2 к определенным действиям.

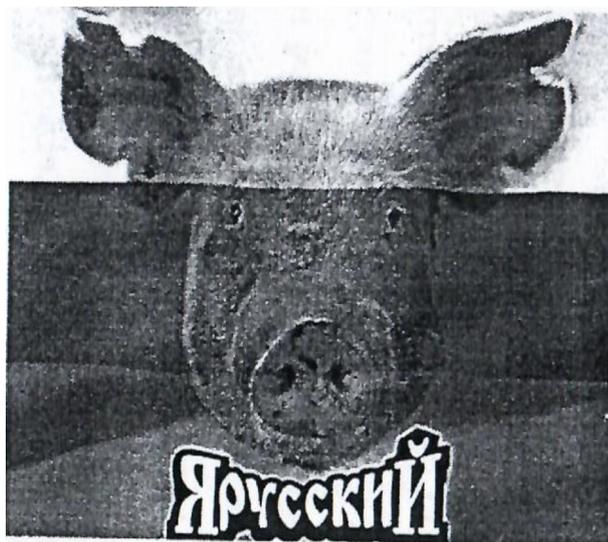
¹ При толковании данного конситуативного значения следует учитывать своеобразие имплицитных смыслов, заложенных в высказывание. Если в общерусском языке выражение *Убери руки* содержит коммуникативную импликацию о имевшемся ранее телесном контакте или насильственных действиях с применением рук, то в региональном узусе русского языка в Бурятии стоит говорить о пресуппозиции ‘В Бурятии как многонациональном регионе близкие контакты лиц разных национальностей естественны’, на фоне которой высказывание *Убери руки, мангадяра!* выступает как националистически маркированное кредо автора.

Как уже отмечалось, государство в лице правоохранительных органов встает на защиту тех, кто является объектом экстремистской деятельности. Размещение креолизованного текста (2) в социальных сетях вызвало запрос правоохранительных органов на проведение комплексного психолингвистического исследования. Один из главных вопросов, поставленных на разрешение перед экспертами, звучал следующим образом: содержится ли в представленных на исследование материалах признаки возбуждения национальной, социальной ненависти либо вражды?

В свете установленного конситуативного значения высказывания текста (2) и выявленных в нем целей в ответе экспертов сообщалось, что данное высказывание в синтезе с невербальным компонентом содержит признаки возбуждения национальной ненависти и вражды.

В качестве способа воздействия и побуждения к действию, помимо искусственно создаваемых текстами (1) и (2) канонических ситуаций общения, в экстремистском дискурсе употребляется иной тип коммуникативной ситуации (а) также в рамках креолизованного текста – текст (3).

Текст 3

В отличие от описанных коммуникативных ситуаций (а) в текстах (1) и (2) здесь моделируется неканоническая ситуация общения, характеризующаяся неполным составом обязательных для канонической коммуникативной ситуации компонентов. Так, она отличается отсутствием синхронного адресата,

адресантом в данном речевом акте выступает некий символический персонаж в образе свиньи. Строго говоря, с учетом двухслойной коммуникативной природы функционирующего в социальных сетях конфликтогенного креолизованного текста, в коммуникативных ситуациях (а) и (А) следует выделять два адресанта: адресант 1 – зооморфизм «свинья» в коммуникативной ситуации (а); адресант 2 – автор креолизованного текста в коммуникативной ситуации (А).

В коммуникативной ситуации (А) обнаруживается коммуникативное намерение адресанта 2, которое, как и во многих других экстремистских дискурсах, заключается в стремлении передать унижительную характеристику лиц по национальному признаку и тем самым возбудить враждебное отношение к представителям данной этнической группы. Для идентификации указанного коммуникативного намерения был востребован семантико-синтаксический и лингвопрагматический анализ высказывания *Я русский*. По смысловой организации это предложение характеристики, в котором субъекту *Я* приписывается таксономический предикат 'русский', указывающий на вхождение характеризуемого субъекта в класс объектов по признаку принадлежности к этническому сообществу русских.

В акте референции местоимение *я* в роли подлежащего соотносится с фотоизображением свиньи, которое любой воспитанный в российском социокультурном пространстве адресат в данной коммуникативной ситуации (а) воспримет как зоосемизм. В культурном коде российского языкового сообщества образ свиньи ассоциируется с «физически и/или нравственно нечистоплотным человека, человеком непорядочным, нарушающим нормы приличия и правила поведения, невежественным, грубым» [Русское культурное пространство 2004: 149]. В результате анализируемый креолизованный текст служит основой для формирования конситуативного значения высказывания *Я русский*, и его с помощью модальной рамки можно сформулировать следующим образом:

‘Я говорю, что я принадлежу этнической общности русских и ассоциируемые с моим образом черты непорядочности, невежественности, грубости и др. приписываются этим людям’.

В качестве предмета экспертного исследования определение конситуативного значения было необходимым при ответе на вопрос: содержится ли в представленных на исследование материалах информация, передающая унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении лиц по признаку их принадлежности к какой-либо национальной (социальной) группе? Ответ эксперта опирался преимущественно на анализ конситуативного значения высказывания *Я русский*. В частности, он подтвердил, что текст содержит информацию, характеризующую представителей русской нации крайне негативно, и выражаемая отрицательная эмоциональная оценка как признак возбуждения национальной ненависти и вражды является средством воздействия на адресата.

Таким образом, конфликтогенный креолизованный текст выступает неотъемлемой частью экстремистского дискурса. Для достижения поставленных целей в нем конструируются разнообразные коммуникативные ситуации, и среди них активнее всего используются канонические и неканонические ситуации общения, в моделировании которых ключевую роль играют невербальные компоненты. Подобные коммуникативные ситуации порождают особый смысл у вербальных средств как компонентов креолизованного текста, передающих коммуникативное намерение адресантов, – смысл, который в данном исследовании определяется через термин «конситуативное значение». Его толкование дает возможность разъяснить смысловую направленность конфликтогенного креолизованного текста обоснованно и непротиворечиво, что имеет непреходящее практическое значение при производстве лингвистических экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
2. Каленых Е. В. Невербальное относительно вербального в рецепции поликодового текста веб-сайта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
4. Кожевникова Е. А., Осадчий М. А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. 2012. № 19-1. С. 22–29.
5. Колтышева Е. Ю. Креолизованная диктема как структурно-смысловой элемент рекламного текста. Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. № 1. С. 168–176.
6. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; Под ред. П. А. Леканта. М., 1995.
7. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
9. Методические рекомендации по анализу текстов экстремистской направленности для определения степени их воздействия на читателя. М., 2014.
10. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Выпуск первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М., 2004.
11. Словарь русского языка: В 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1.
12. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х тт. Улан-Удэ, 2006–2008. Т. I.

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Linguistic expertise of the text: theory and practice* [Lingvisticheskaja ekspertiza teksta: teorija i praktika]. Moscow, 2007.
2. Kalyonih E. V. *Nonverbal with respect to the verbal in the reception of the polycode text of the website* [Neverbalnoje odnositelno verbalnogo v recepcii polikodovogo teksta veb-saita]. Ulan-Ude, 2013.
3. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics* [Lingvisticheskaja semantika]. Moscow, 2000.
4. Kozhevnikova E. A., Osadchii M. A. *Creolized text as an object of forensic linguistic examination* [Kreolizovannyj tekst kak objekt sudebno-lingvisticheskoy ekspertizy]. Bulletin of the

Kemerovo State University of Culture and Arts: Journal of Theoretical and Applied Research. 2012. № 19-1. Pp. 22–29.

5. Koltysheva E.Yu. *Creolized dictate as a structural and semantic element of the advertising text* [Kreolizovannaja diktema kak strukturno-smyslovoj element reklamnogo teksta]. Bulletin of the Kemerovo State University named after N.A.Nekrasov. 2008. № 1. Pp. 16–176.

6. *A short guide to modern Russian language* [Kratkij spravocnik po sovremennomu russkomu jazyku] / L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov, P. A. Lekant. Edited by P. A. Lekant. Moscow, 1995.

7. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. *Methodology for compiling forensic psychological and linguistic expertise of materials on cases related to counteraction to extremism and terrorism* [Metodika provedenija sudebno-psihologo-lingvisticheskoj ekspertizy materialov po delam, sviazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu]. Moscow, 2014.

8. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* Chief Editor V. N. Yarceva [Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar. Glavnyj redactor V. N. Yarceva]. Moscow, 1990.

9. *Methodological recommendations on the analysis of extremist texts to determine the extent of their impact on the reader* [Metodicheskie rekomendacii po analizu tekstov ekstremistskoj napravlenosti dlja opredelenija stepeni ih vozdeistvija na chitatelja]. Moscow, 2014.

10. *Russian cultural space: Dictionary of language and culture: Issue first* / I. S. Bryleva, N. P. Volskaja, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh [Russkoje kulturnoje prostranstvo: Lingvokulturogicheskiy slovar. Vypusk pervyj / I. S. Bryleva, N. P. Volskaja, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh]. Moscow, 2004.

11. *Dictionary of the Russian language in four volumes* / Edited by A.P.Evgenjeva [Slovar russkogo jazyka v 4 tomah / Pod redakciej A. P. Evgenjevoj]. Moscow, 1981. Vol. I.

12. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryad-orod toli. Buryat-Russian dictionary. In two volumes* [Buryad-orod toli. Burjatsko-russkiy slovar. V dvuh tomah]. Ulan-Ude, 2006–2008. Vol. I.